

ПЕРВАЯ СТРАНИЦА ИЗБРАНИЕ АВРААМА И ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Запись диалога Хулиана Каррона,
Йозефа Вайлера и Моники Маджони
на Митинге за дружбу между народами
Римини, 24 августа 2015 г.

Моника Маджони. Добрый вечер. Все мы сегодня немного взволнованы, потому что нам предстоит подойти к непростой теме – «Избрание Авраама и вызовы современности». Формат дружеской беседы волнения не уменьшает, так как в центре все-таки должно остаться то объективное, что присуще любому повествованию: слова, мысли, переживания. Итак, начнем рассказ.

АВРААМ И РОЖДЕНИЕ «Я»

Первый голос. «И сказал Господь Авраму: пойдя из земли твоей, от родства твоего и из дома отца твоего (и иди) в землю, которую Я укажу тебе; и Я произведу от тебя великий народ, и благословлю тебя, и возвеличу имя твое, и будешь ты в благословение; Я благословлю благословляющих тебя, и злословящих тебя прокляну; и благословятся в тебе все племена земные» (Быт. 12, 1–3).

Второй голос. «Нельзя не заметить, что наиболее реалистичный план жизни Авраама принадлежит не ему самому, а Другому. Этот план, если он принимается при его первоначальном объявлении, подлежит затем проверке во времени. Так Аврам испытает близость того Присутствия, которое увлекло его и забросило далеко от дома, в эпизоде у дубравы Мамре (Быт. 18), где таинственное Бытие явится гостем, которого надо накормить и ублажить под сенью дерева “во время зноя дневного”» (Л. Джуссани. В поисках человеческого лица. М.: Христианская Россия, 1997. С. 18).

Третий голос. «Идея состояла в том, что человеческое существо, прежде чем ожидать посланий со стороны сверхчеловеческого, должно стать реальным, то есть должно заговорить своим собственным голосом (а не одним из тех, что взяты напрокат), оно должно выражать собственные реальные (а не воображаемые) желания, хорошо ли, плохо ли – быть самим собой, не прячась за масками, за покровами, за образами». «Как могут боги встретиться с нами лицом к лицу, пока мы лиц не обрели?» (К. С. Льюис. Письмо к Доротее Конибер).

Маджони. Мы услышали цитату из книги Бытия и слова отца Джуссани и Льюиса. Йозеф Вайлер, давайте оттолкнемся именно от этого: от Авраама и рождения «я».

Йозеф Вайлер. Для меня событие Аврама, или Авраама, революционно. Точнее, оно несет в себе три революции. Начну с первой. Я не согласен, отец Каррон, с тем фактом, что в случае с Авраамом Бог впервые вмешивается в историю. До этого был потоп, Бог говорил с Адамом, Он говорил с Каином, которому сказал: «Голос крови брата твоего вопиет ко Мне от земли», – говорит Он и с нами. Бог уже говорил. Первая революция, произошедшая в Авраме, заключается в природе разговора между Богом и человеком. И для меня ключевое слово тут – завет. Бог предлагает – не навязывает – Аврааму завет. Первый завет. Почему я так настаиваю на важности завета? Потому что в завете принимают участие две стороны, и обе они суверенны. «Пойди из земли твоей, от родства твоего и из дома отца твоего», – это не приказ, а предложение: «Я предлагаю тебе пойти,

Я предлагаю землю обетованную – тебе решать». Такова природа завета: он наделяет другую сторону ответственностью, другая сторона должна подойти к вопросу ответственно; речь не о повиновении, а о согласии человека, сотворенного по образу Божию и имеющего возможность сказать Богу нет. В самом деле, когда Бог говорит Авраму: «Пойди из земли твоей», – Он в тревоге ожидает, каким же будет его ответ. Вот в этом-то и состоит первая революция: не просто в факте обращения Бога к человеку, а в том, что это беседа между двумя суверенами.

Маджони. Выходит, мы уже на шаг впереди.

Хулиан Каррон. В Авраме впервые проявляется именно такое «я» – «я», способное ответить. Близкое отношение, которое Бог начал с человеком, сотворив его, однажды прервалось: люди более не принимали связь со своим Творцом. Поэтому в один прекрасный момент Бог пожелал вновь войти в отношение с человеком, отделившимся от Него. Хорошо осознавая необходимость признания и переживания этого отношения с Ним для человеческого свершения, Бог предпринял непредвиденную инициативу: Он решил вновь вмешаться в историю, войти в нее и призвать одного человека, Аврама, чтобы пробудить его «я», чтобы в определенном смысле позволить ему родиться. Это завет, благодаря которому рождается «я», способное ответить Богу, осознающее собственную неподдающуюся умалению неповторимость и свою задачу в истории; это вопрос, исходящий от «Ты», которое порождает «я», способное ответить. Вот что поражает в Авраме: как сказал профессор Джорджо Буччеллати, для народов Месопотамии было немыслимо обращаться к фатуму, к судьбе, на ты. Однако, глядя на простейший человеческий опыт каждого из нас (нам даже не нужно воображать ситуацию времен Аврама), мы можем констатировать, что «я» состоит в отношении с «ты», чему нас и учит история завета. Это хорошо выражает строчка из одной итальянской песни: «Я не существую, когда нет тебя, и остаюсь один на один с моими мыслями» («*Vorrei*»). Слова и музыка Ф. Гуччини). Без «ты» жизнь иссякает, и все становится предсказуемым. Без завета, без диалога с «Ты», не остается, по сути, ничего неожиданного, мы оказываемся в силках предсказуемости, подобно жителям Месопотамии, а вслед за ними – и грекам. И нам приходится довольствоваться этим, как говорил Эсхил: «Смертные не должны питать мыслей, идущих за пределы их смертности». Бог же, призывая Аврама, пробуждает в нем все его человеческое желание, чтобы тот мог принять предложение завета, с самого начала уловив в нем пользу для себя. И вопрос в первую очередь носит не этический характер, он затрагивает саму природу «я». Без «Ты», без завета «я» не вполне «я».

Вайлер. Согласен. По-моему, таким же образом нужно рассматривать и землю обетованную. Это не только территория: «земля обетованная» есть иной тип жизни, иной тип ответственности, иной тип отношений между людьми и между людьми и Богом. Можем мы перейти к двум другим революциям?

Маджони. Конечно! Особенно потому, что они представлены как раз в фигуре Авраама. С него, безусловно, начинается кардинальный переворот в отношениях, новый путь: это видно на выставке и в текстах.

Вайлер. Как сказал Каррон, главный герой первой революции не Авраам, а Бог, предлагающий ему отношение практически на равных. «Я вас приглашаю!» Иоанн Павел II говорил, что Он «предлагает Себя, а не навязывает». Но перейдем к двум другим революциям. Бог решает разрушить Содом и Гоморру. Цитирую: «Утаю ли Я от Авраама, что хочу делать! От Авраама точно произойдет народ великий и сильный, и благословятся в нем все народы земли, ибо Я избрал его для того, чтобы он заповедал сынам своим и дому своему после себя, ходить путем Господним, творя правду и суд». Это

революционное предложение, ведь до сих пор Бог не давал Аврааму никаких указаний, не устанавливал для него законов, не преподавал ему уроков нравственности. Нравственность, этическая чуткость, укоренена в разуме, являющемся частью человеческой природы. Вот в этом-то и революция: за четыре тысячи лет до Иммануила Канта человек уже обладал таким внутренним миром и такой этической чуткостью, которые позволяли ему действовать праведно, несмотря даже на то, что Бог еще не научил его этому. Они присущи человеческой природе. Такова вторая революция. А третья в полной мере касается Авраама. Бог говорит: «Пойду и разрушу Содом и Гоморру». Авраам же не отвечает: «Да, Господи». Авраам спрашивает: «Как это возможно? А что, если найдется в Содоме и Гоморре пятьдесят праведников? Не может быть, чтобы Ты поступил так, чтобы Ты погубил праведного с нечестивым. Судия всей земли поступит ли неправосудно?» В чем тут революция? До этого момента считалось, что слово Божие по умолчанию справедливо. Мы же наблюдаем коперниковский переворот в области правосудия: «Если что-то несправедливо, значит, оно не от Бога». Ничего подобного еще не случалось в истории человечества. Тут Авраам в полной мере проявляет себя.

КАРРОН. Почему вдруг впервые на сцене мира происходит нечто прежде невиданное? На этот вопрос необходимо ответить. Новизна является следствием исторического события, вхождения Тайны в историю, как я уже отмечал ранее. Человек обладал образующей его структурой и до Авраама, но, говорит отец Джуссани, то, что существует в человеке как потенциальная структура, проявляется и осуществляется только перед лицом определенных вызовов. Следовательно, нужен был соответствующий вызов, чтобы дала о себе знать вся жажда справедливости, которая была у Авраама, и он обращается к Богу и спрашивает Его о причинах Его действий. Необходимо было, чтобы проявилась в полной мере та способность «я», что потенциально заложена в человеческую структуру. И для этого требовалось некое «ты», вмешательство «Ты». То же самое мы видим в опыте ребенка, нуждающегося в «ты» матери, чтобы в нем пробудилось его сознание. Без «ты» нет и «я».

ВАЙЛЕР. Я себе это так рисую в моем воображении. Бог, прежде чем сказать Аврааму: «Я собираюсь разрушить Содом и Гоморру», – решает его испытать. Бог ожидает и думает: «Посмотрим, что скажет Авраам. Согласится ли он, ответит ли: “Да, да, раз это Ты говоришь, так и делай!”» Авраам же набирается смелости и возражает: «Как возможно, что Ты, Бог, Судия всей земли, поступаешь неправосудно?» Тут в моих фантазиях Бог улыбается и говорит: «Вот таким Я его и задумал, таким Я его пожелал!»

КАРРОН. Поразительно, какой тип человека рождается благодаря вмешательству Бога. В диалоге о завете между «Ты» Бога и «я» Авраама мы наблюдаем, как со всей силой вырывается наружу желание Авраама. Отсюда и определенный тип человека, проявляющийся по мере того, как идет вперед история, начатая с Авраама. Псалмопевец говорит: «Боже! Ты Бог мой, Тебя от ранней зари ищу я; Тебя жаждет душа моя, по Тебе томится плоть моя, в земле пустой, иссохшей и безводной» (Пс. 62, 2), – и мы понимаем масштаб вызова, брошенного Аврааму и пробудившего всю его жажду. Чтобы произнести «я», осознавая образующее его отношение, чтобы так восстать ото сна, человеческая природа должна оказаться перед соответствующим вызовом.

ВАЙЛЕР. Полностью согласен.

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ «Я»

МАДЖОНИ. Итак, вызов состоит в проявлении сознательности «я». Однако, как заметил Каррон, сознательность эта не длится вечно. Она не результат, достигнув которого, мы

уже никуда не движемся, а реальность, постоянно происходящая вновь и вновь, и ее необходимо созидать мгновение за мгновением...

КАРРОН: Исаия говорит: «К имени Твоему и к воспоминанию о Тебе стремилась душа наша» (Ис. 26, 8). Как должно было быть притягательно для человека то Присутствие, чтобы он сказал: «К Тебе устремлено все мое желание»!

МАДЖОНИ. Но... Ты говоришь: «Как притягательно!» Однако порой мы словно не ощущаем эту притягательность, не замечаем ее, не улавливаем. В настоящий момент кажется, что «я» исчезает.

Первый голос. «Когда-то выросли рано. <...> Сейчас имеет место безостановочная гонка за незрелостью. Когда-то юноша становился зрелым любой ценой. <...> Сейчас молодые люди не знают, кто они. <...> Они предпочитают оставаться пассивными и жить в некоем таинственном онемении. Они не любят время. Единственное их время – череда отдельных мгновений, не соединяющихся в цепь и не составляющих никакой истории» (P. Citati. Gli eterni adolescenti. *La Repubblica*. 2 agosto 1999. P. 1.).

Второй голос. «Они ранены скукой, непобедимой скукой, экзистенциальной тоской, убившей время, историю, страсти и надежды. Я не вижу в них той глубокой меланхолии, которая отражается на юных лицах Возрождения, написанных Тицианом. Я вижу ошалелые, экстатические, оупевшие, бегающие, алчные глаза без искры желания, одинокие посреди толпы. Я вижу глаза, полные отчаяния <...>. Вечные дети <...>. Все растущее поколение отчаявшихся людей <...>. Они пытаются вырваться из той пластиковой пустоты, которая окружает и душит их. Спасение их – лишь в их собственных сердцах. А все, что можем мы, – смотреть на них с любовью и трепетом» (E. Scalfari. Quel vuoto di plastica che soffoca i giovani. *La Repubblica*. 5 agosto 1999. P. 1.).
«Кто мог бы вообразить, что длинный путь, который провел нас от гуманизма и Возрождения (возникших из желания утверждать человека) вплоть до этого момента, обернется латаргическим сном и экзистенциальной скукой?» (X. Каррон, Мадрид, 19 ноября 2010 г.).

Третий голос. «Нас все замалчивает, как будто в согласии тайном, / Отчасти стыдясь, отчасти надеясь на что-то» (P. М. Рильке. Дуинские элегии. Элегия вторая. Пер. В. Микушевича).

МАДЖОНИ. Два современных интеллектуала, Читати и Скальфари, великий поэт Рильке. В их словах ощущается противоречие между тем, что строит Бог (мы с этого начали), и настоящим моментом, когда единство, о котором мы говорили, словно распадается.

ВАЙЛЕР. Я профессор юриспруденции, преподаю в Соединенных Штатах, в Европе и Азии, и повсюду, как мне кажется, встречаю нечто общее. Молодые люди, посещающие мои лекции по конституционному праву, одержимы словом «права»: «права человека», «фундаментальные права», «где наши права?»... Ради бога, мне бы не хотелось жить в обществе, не уважающем права человека, фундаментальные права, в обществе, не признающем равноправия. Вот только я никогда не слышу другого слова: «ответственность». Обязанности. Никто не спрашивает меня: «Профессор, каковы наши основополагающие обязанности и в чем наша ответственность», – вместо того, чтобы интересоваться основополагающими правами и взваливать на плечи других нашу ответственность за происходящее. «Это ужасно», – говорят вокруг. Ответственность всегда лежит на ком-то другом. Вот в чем заключается умаление «я», антиавраамово послание. Авраам взял на себя ответственность за собственные действия, за собственное

существование, за то, что творилось вокруг него. В разговоре об умалении «я», в контексте фраз Рильке и Скальфари, именно слово «ответственность» является ключевым: не права, а обязанности.

КАРРОН. Слова Читати, Скальфари и Рильке хорошо объясняют, в чем состоит ослабление «я». Но, если «я» изначально укоренено в человеческой природе, как оно может идти на убыль в ходе истории? Каким образом желание человека быть главным героем истории, породившее гуманизм, сменилось оцепенением и скукой? Меня поражает следующая фраза Ханны Арентс: «Современность не поменяла потусторонний мир на посясторонний, и, строго говоря, она даже не приобрела земной. <...> Вполне мыслимо, что Новое время, начавшееся такой неслыханной и неслыханно многообещающей активизацией всех человеческих способностей и деятельностей, завершится в конечном счете самой мертвенной, самой стерильной пассивностью, какую когда-либо знала история» (Х. Арентс. *Vita activa, или О деятельной жизни*. Спб.: Алетейя, 2000. С. 417, 420). Впечатляющие слова, заставляющие нас пересмотреть нашу позицию: мы думаем, будто рассказ об Аврааме – только для набожных, благочестивых людей, мы видим в нем лишь отсылку к вопросам этики, для нас отношение с неким «ты» – с тем самым «Ты» – не так уж необходимо для того, чтобы говорить «я» со всей способностью ответить, со всей ответственностью, со всей сознательностью. Однако, как только это отношение ослабевает, мы замечаем, что впадаем в оцепенение и скуку. Действительно, в определенный момент человек стал воспринимать Тайну, вошедшую в историю через Авраама, как нечто себе противоположное, враждебное, и такое отношение имело следствием умаление «я». Показательно, что определенные формы искусства (например, кинематограф), кажется, возвращаются к сознанию древности и греко-латинского мира, то есть к сознанию, бытовавшему до призвания Авраама и до события Христа. Мне в голову приходит эпизод из фильма Ингмара Бергмана «Фанни и Александр» (1982): «Мы, Экдали, пришли в этот мир не для того, чтобы разгадывать его загадки. Для подобных дел мы не снабжены нужными аппаратами. <...> Мы будем жить в нашем маленьком мире, в нашем мирке. За него мы будем держаться, его будем возделывать и украшать. <...> Так устроена жизнь. [Предсказуемость возвращается.] По этой-то причине и необходимо <...> радоваться маленькому миру [и в чем состоит жизнь?], хорошей кухне, сладким улыбкам, цветущим фруктовым деревьям и какому-нибудь вальсу». Вот во что превратилось «я» с тех пор, как ослабло сознание о том образующем отношении, которое для нас сегодня по большей части сведено к некому проявлению духовности, этики, к религиозной сказке для визионеров. Мы собственной шкурой расплачиваемся за умаление «я», впадаем в оцепенение, довольствуемся немногим: в условиях нехватки вызовов в нас не горит желание ответить, от которого рождаются сила и творческие способности «я».

ВАЙЛЕР. Я согласен, но хочу сделать одно замечание. Я религиозный человек, однако мы не должны думать, что это у нас, у религиозных людей, истина в кармане и что люди светские в силу недостатка Бога в их жизни обрекают себя на умаление «я». Такое умаление может произойти и в религиозном человеке.

КАРРОН. Уже Ницше предвидел это. Провозглашая «смерть Бога», он думал не о том, что религия умерла, а о том, что останется определенный тип религии, не способный пробудить «я».

ВАЙЛЕР. У светского атеиста может быть полная жизнь, его собственная обетованная земля, и он тоже может брать на себя ответственность. Я вижу опасность в высокомерии, в *хюбрисе*. Знаете, какое изречение мне нравится больше всех пророков, вместе взятых: «Чего требует от тебя Господь? Действовать справедливо, любить дела милосердия и смиренномудрено ходить пред Богом твоим». Так что совету: *смирно*.

МАДЖОНИ. Полагаю, не случайно цитаты, от которых мы ранее оттолкнулись, принадлежали не религиозным людям и не носили строго религиозный характер...

КАРРОН. Как мы видим, об этом говорят не только религиозные люди, поскольку речь идет о констатации происходящего. Меня всегда поражало, как точно отец Джуссани определил драму нашего времени, которую ты, Йозеф, назвал «нехваткой ответственности»: он говорил о ней как о снижении подвижности «я». Проблема не столько в нравственной слабости: «Хочу указать на разницу между поколением сегодняшних молодых людей и тех молодых людей, что я встретил тридцать лет назад. Мне кажется, разница заключается в большей слабости сознания, имеющей место в настоящее время; это не этическая слабость, а слабость энергии сознания» (L. Giussani. *L'io rinasce in un incontro. 1986–1987.* Milano: Bur, 2010. P. 181). Нынешняя молодежь не более и не менее ленива, она не совершает большее или меньшее количество ошибок: мы все всегда ошибаемся в одном и том же. Вопрос в том, что сходит на нет способность прирастать к чему-то иному. Чтобы человек прирастал к чему-то, необходима соответствующая притягательность, способная двигать его «я». Отношение – «ты» – не второстепенно, не факультативно, оно является образующим элементом в определении «я»: «Я не существую, когда нет тебя». Это отношение играет решающую роль.

ВАЙЛЕР. Если у нас есть пара минут, я хотел бы спросить Каррона кое о чем. Думаю, у многих здесь есть этот вопрос и, возможно, люди боятся задать его. Он касается знаменитой истории Авраама и Исаака. Бог призывает Авраама и говорит ему: «Возьми сына твоего». Авраам отвечает: «У меня их двое». – «Твоего единственного сына». – «Они оба единственные». – «Того, которого ты любишь». – «Я люблю обоих...». – «Возьми Исаака, пойди и убей его!» И Авраам не говорит даже: «Да, Господи». Не промолвив и слова, он отправляется в путь. Можно было бы подумать: не подобным ли образом действуют современные фундаменталисты, готовые во имя Бога совершать чудовищные преступления? Как мы отвечаем на этот вызов Авраама?

КАРРОН. На этот вызов, как мне кажется, необходимо ответить, поскольку решающий вопрос заключается в следующем: в силу чего человек способен отнестись серьезно к такого рода предложению? Чтобы хотя бы принять к рассмотрению приказ вроде этого, «я» Авраама должно было быть вдоль и поперек пронизано тем Присутствием. Как может человек ответить на подобную провокацию? В завете между Богом и Авраамом взяла начало история, которая затем шла вперед, разворачивалась и развивалась. Бог оттолкнулся от некоей данности, от «я» Авраама, каким оно было изначально, со всеми его проблемами и ограничениями, Он предложил ему завет, чтобы соединить его с Собой. История, описанная в Библии, полна человеческих ограничений, в ней полностью отсутствует какая-либо мифологизация человека, потому что «Ты» пробудило именно реальную личность. Согласившись на это предложение, на первый взгляд, совершенно неразумное, Авраам наконец открывает истинное лицо своего Бога, Который не хотел смерти Исаака и желал еще больше привязать Авраама к Себе, ведь если участие человека в отношении с Ним, сходит на нет, возникают оцепенение, непобедимая скука, пустота – отнюдь не безобидная, как мы видим.

Видеоролик, составленный из материалов компании RaiNews24 и рассказывающий о терактах в редакции журнал a Charlie Hebdo и в кошерном супермаркете в Париже 7 января 2015 года.

ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ВЫЗОВ

МАДЖОНИ. Мы не хотим сводить эту часть настоящего, эту часть истории, этот современный вызов к вопросу о «пустоте “я”», но вопрос о «пустоте “я”» неотрывно связан с настоящим, равно как и вопрос об ответственности, который мы затронули ранее. В дни, последовавшие за событиями в Париже, в дни, когда стало ясно, в какой чрезвычайной ситуации мы живем, Хулиан Каррон писал в газете *«Corriere della Sera»*:

«Уважаемый главный редактор, о парижских событиях говорилось немало. Никого не миновали смятение или страх. Многочисленные попытки проанализировать ситуацию натолкнули на интересные размышления о столь сложном явлении. С чем, однако, мы остались месяц спустя, когда на первый план вновь вышла повседневная жизнь? Что не позволит нам стремительно вычеркнуть из памяти ужасающие факты? Чтобы помнить, необходимо открыть подлинную природу вызова, брошенного парижскими терактами».

Конечно, нужно понять, какой вызов нам брошен. Однако Каррон на этом не останавливается.

*«Проблема является прежде всего внутриевропейской, и главное сражение разворачивается в нашем доме. Природа вызова, брошенного нам, носит культурный характер, и коренится этот вызов в повседневном существовании. Когда люди оставляют родную землю и приезжают к нам в поисках лучшей жизни, когда их дети рождаются и взрослеют на Западе, что они видят? Находят ли они что-то, способное привлечь их человечность, бросить вызов их разуму и их свободе? Та же проблема встает в отношениях с нашими собственными детьми: можем ли мы предложить им нечто на высоте возникающего у них вопроса о свершении жизни и о смысле? Во многих молодых людях, растущих в так называемом западном мире, господствует великое ничто, глубокая пустота, порождающая отчаяние – источник насилия» (Х. Каррон. Вызов подлинного диалога после терактов в Париже. *Corriere della Sera*, 13 февраля 2015 г.).*

Хулиан, в те дни люди, которые всегда хотят отгородиться от проблем, словно это нечто им чуждое, утверждали, что парижская история их не касается, что она символизирует существование «мы» и «они», дистанции. *Отличное от нас* – говорили они – именно в силу своей отличности приводит к подобным результатам. Ты же в твоём письме с болью описал трагизм ситуации: эта часть истории разворачивается на *нашей* половине поля, в *нашем* опыте.

КАРРОН. Так и есть, мы сталкиваемся с этим в нашем собственном доме. Я говорю не только о людях, приезжающих из других стран, но и о наших детях, о наших друзьях, о преподавателях и их студентах. Случай Авраама интересен именно потому, что вновь ставит нас перед все тем же вопросом: есть ли нечто способное пробудить «я» и предложить сообразный ответ на желание свершения, которое есть у каждого из нас? Если ничего подобного не происходит, начинает господствовать пустота. И этой пустоте нельзя противостоять с помощью идеологий: они не в состоянии притянуть «я», пробудить его и, более того, порождают лишь все большее насилие и множат конфликты. Наша история научила нас, европейцев, что достичь истины можно исключительно через свободу. Сейчас мы наблюдаем непрерывный приток людей, принадлежащих другим культурам и религиям, ведущих другой образ жизни, иначе выражающих себя. Хотим ли мы жить вместе с ними? И что для этого необходимо? Какими инструментами мы обладаем, чтобы отвечать на вызовы, брошенные нам в нашем собственном доме? Эта насущная воспитательная проблема стоит перед всеми нами: что способно привлечь человека другой культуры, приезжающего к нам, что бросит ему вызов? Можем ли мы предложить ему что-то интереснее насилия, оцепенения или скуки? Есть ли нам что предложить новым поколениям? Проблема, как мы уже говорили, носит не этический характер, ее не разрешить нравоучительными воззваниями; она экзистенциальна,

фундаментальна и решается только в том случае, если человек находит ответ на образующие его потребности. Тогда у него возникает желание, стремление действовать, созидать и жить в мире. Вчера мы услышали от отца Ибрагима о том, как один мусульманин пришел за водой к колодцу францисканского монастыря и сказал: «Отец, я смотрю на людей, берущих воду у вас, и удивляюсь. Они широко улыбаются и хранят мир в сердце, не ссорятся, не повышают голос. Я изъездил все Алеппо и видел, как в других местах убивают, лишь бы приблизиться к колодцу. Вы другие, вас наполняют мир и радость». Вопрос, следовательно, в том, можем ли мы внести какой-либо вклад в современную ситуацию. В этом-то и состоит воспитательная задача.

ВАЙЛЕР. Тут мне хотелось бы бросить вам еще один вызов.

КАРРОН. Я готов, а иначе я устаю!

МАДЖОНИ. Ничего другого мы и не ожидали...

ВАЙЛЕР. Несмотря на все наши недостатки, мы живем в контексте толерантной культуры. У нас есть Митинг – мероприятие определенной направленности, на которое вы, однако, не боитесь приглашать иудея с отличными от ваших взглядами.

КАРРОН. Совершенно верно.

ВАЙЛЕР. У нас есть демократия, пусть и не совершенная. Демократия никогда не совершенна, но даже несовершенная демократия лучше любой другой системы. Мы постоянно ищем справедливости – никогда до нее не доходим, но все же продолжаем искать. У нас богатая культура. В общем, мы можем многое предложить. Да, нужно признать, что в нынешней жизни зияет пустота, однако наш мир цивилизован и богат. Это важно, мы должны на этом настаивать. Я бы хотел избежать искушения, в силу которого начинаешь говорить, что пустота жизни объясняет определенное поведение. Возможно, оно и объясняет, но не оправдывает, поскольку человек несет ответственность за собственные действия.

КАРРОН. Вопрос в следующем: как сохранить сокровище, которое мы собрали в ходе истории и которое ты так замечательно описал? Гете говорил, что каждое новое поколение должно вновь заслужить наследие, доставшееся ему от отцов (*ср.* И. В. Гете. *Фауст*. // Б. Пастернак. *Собрание сочинений*: в 5 т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1989. С. 392). Лишь непрестанно начиная заново, постоянно возобновляя воспитательный процесс, можно, по мысли Бенедикта XVI, передать нашим детям накопленное на протяжении истории (*ср.* Бенедикт XVI. *Spe salvi*, 24). В этом заключается большая помощь, которую мы оказываем друг другу. Как передать другим богатство, что мы зовем «традицией», как сделать его притягательным и избежать его разрушения вследствие недооцененных усилий, позволивших прошлым поколениям этого богатства достичь? Как сделать его настолько притягательным для наших современников, чтобы они открыли в нем благо для себя и не начинали снова и снова с нуля, порвав с традицией? Вот вызов, стоящий перед нами.

МАДЖОНИ. Ты утверждаешь, что наиболее острая ситуация связана с воспитанием. Мы решили спроецировать одну фотографию Себастьяна Сальгадо из потрясающей серии «Генезис». Глядя на нее, глядя на этих пингвинов, я вижу одновременно нечто прекрасное и ужасное. С одной стороны, сила воспитания, модель следования, что-то влекущее тебя за собой. С другой – *мейнстрим*. Ни один из пингвинов не решает сам, в какой момент ему прыгнуть в воду, никто не задействует свое «я» и не говорит: «Лично я прыгну вот

здесь». Мне кажется, мы живем в эпоху, когда такой «пингвинизм» очень силен: этот фактор пронизывает нашу систему речи, мысли, наш взгляд на человека. Здесь-то и возникает воспитательный вызов. Профессор Вайлер...

ВАЙЛЕР. Несколько минут назад я сказал, что мы можем многое предложить: демократию, фундаментальные права, толерантность и т. д. Но нужно быть честными. По моему убеждению, западная цивилизация опирается на два основания. С одной стороны, Афины, Просвещение, неокантианство, права и т. п. С другой, иудео-христианская традиция, которая, как все мы знаем (в Италии это просто невозможно не заметить), неотрывно связана с нашей цивилизацией. Сам «святой Юрген Хабермас» признавал, что, чтобы по-настоящему говорить о фундаментальных правах, необходимо непременно учитывать корни христианской традиции. Однако этот факт отрицается. Мы помним неприятную историю Европейской конституции: даже простое упоминание того факта, что у истоков европейской традиции бок о бок с Просвещением стоит христианство, оказалось немислимым. Поэтому, отвечая на твой вопрос о том, как нам быть, я скажу, чему мы научились: невозможно эту традицию навязывать!

КАРРОН. Поскольку мы также усвоили, что путь к истине пролегает исключительно через свободу.

ВАЙЛЕР. Верно! И поэтому наш ответ – свидетельство. Нужно жить неотрывно от того, что мы предлагаем другим и самим себе. По-английски это выражается словом *compelling*, оно означает нечто столь притягательное, что ты проникаешься уважением. И это происходит исключительно через пример, через свидетельство.

КАРРОН. Вызов именно в этом, поскольку, как говорит наш друг Антонио Полито, с которым я представлял его книгу о воспитании, проблема заключается в том, что «надежды и ожидания нашего общества устарели» (A. Polito. *Contro i papà. Come noi italiani abbiamo rovinato i nostri figli*. Milano: Rizzoli, 2012. P. 144). Можно вспомнить и слова отца Джуссани: «Всем этим поколениям ничего не предложили». Не хватило именно такого свидетельства. Многие, утверждает все тот же Джуссани, заботятся лишь о том, чтобы предложить «надежность обеспеченной и лишенной рисков жизни» (L. Giussani. *L'avvenimento cristiano*. Milano: BUR, 2003. P. 126) и попытаться избавить детей от труда, без которого им никогда не будет принадлежать то, чего достигли родители. Поступая так, мы в действительности помогаем нашим детям вырыть себе яму.

ВАЙЛЕР. Простите, я не могу не сказать, что одиннадцать лет назад приехал сюда с моей семьей и сегодня Митинг для меня – особое мероприятие, поскольку здесь со мной одна из моих дочерей, ей тогда было десять, а теперь – двадцать один. Это вот та девушка с фиолетовыми волосами – после вчерашнего матча очень символично для миланистов, не находите? (Накануне встречи футбольная команда «Фиорентина», выступающая в фиолетовой форме, обыграла «Милан» со счетом 2:0 ноль. – *Примеч. перев.*)

НАЧАТЬ ЗАНОВО. С ЧЕГО?

МАДЖОНИ. Вернемся к проблеме, которая теперь вполне ясна. Мы оттолкнулись от Авраама, увидели, как затем наступил кризис, и поэтому вопрос сейчас заключается в том, откуда начать заново. Среди множества важнейших слов, обращенных к нам Бенедиктом XVI, есть следующие: «Благие структуры помогают [я лично убеждена в том, что благие структуры играют значительную роль, это невозможно отрицать], но одних их недостаточно. Человек просто не может быть искуплен извне» (*Spe salvi*, 25). Поэтому бросаю вам последний вызов: с чего же начинать заново?

Первый голос. «Кризис вынуждает нас вернуться к вопросам; он требует от нас ответов, новых или старых, лишь бы они происходили из непосредственного анализа; он превращается в катастрофу, только если мы стараемся противостоять ему при помощи предвзятых суждений либо предрассудков, усугубляя его и, более того, отказываясь жить опытом реальности и использовать возможность поразмыслить, предоставляемые самим кризисом» (Н. Arendt. *Tra passato e futuro*. Milano: Garzanti, 1991. P. 229).

Второй голос. «Решение – битва ради спасения: не ради того, чтобы остановить изворотливую цивилизацию, а чтобы переоткрыть зависимость человека от Бога и свидетельствовать о ней. <...> Самая серьезная опасность сегодня <...> заключается в попытке власти уничтожить человечность [подлинный источник наших сил]. А суть человечности – в свободе, то есть в отношении с бесконечным. И потому человек, ощущающий себя человеком, прежде всего на Западе, должен вступить в великую битву: в битву между истинной религиозностью и властью. Истинная религиозность полагает предел власти – любой власти: гражданской, политической и церковной (L. Giussani. «Cristo, tutto ciò che abbiamo». // *Tracce-Litterae communionis*. N. 2. 2002. P. V).

Третий голос. «Радость есть отражение уверенности в счастье, в Вечности, и она складывается из уверенности в пути и желания идти вперед [уверенность побуждает двинуться в путь], осознания пути, который совершает человек. <...> Пребывать в радости – вот неперемное условие для того, чтобы породить иной мир, иную человечность. <...> Радость подобна цветку кактуса, который на растении, полном колючек, распускается в нечто прекрасное» (L. Giussani. *Un evento reale nella vita dell'uomo. 1990–1991*. BUR: Milano, 2013. P. 240–241).

МАДЖОНИ. «Нас спасет красота», – говорит папа Франциск. Красота, радость, преодоление кризиса, о котором говорила Ханна Арендт.

Скрипка. И. С. Бах. Адажио из *Сонаты №1 соль минор для скрипки соло*, BWV 1001.

ВАЙЛЕР. Нужно немного времени, чтобы прийти в себя, потому что...

КАРРОН. Но ведь именно отсюда и следует начинать заново! С этого мгновения, когда человека вдруг охватывает, притягивает какая-то часть реальности – притягивает сильнее, нежели любая нехватка, любое ограничение, любая полемика, в которую он вовлечен. Существуют моменты, когда перед лицом чего-то прекрасного, как эта музыка, «я» начинается вновь. Не нужно ничего другого – только чтобы они происходили.

ВАЙЛЕР. «Spirto gentil» (*ит.* – нежное дуновение. – *Примеч. перев.*)?

КАРРОН. Именно, spirto gentil.

ВАЙЛЕР. Стоит перечитать слова отца Джуссани: «И потому человек, ощущающий себя человеком, прежде всего на Западе, должен вступить в великую битву: в битву между истинной религиозностью и властью. Истинная религиозность полагает предел власти – любой власти: гражданской, политической и [обратите внимание на его великое смирение] церковной». Перед нами важное послание. С чего начать заново? С красоты этого самокритичного духа, готового поставить себе рамки. И возможно, нам сейчас удастся пересмотреть и обращение Бога к Аврааму. «Пойди из земли твоей, от родства твоего и из дома отца твоего (и иди) в землю, которую Я укажу тебе». Мы до сих пор

не слишком подробно останавливались на *личности* Авраама. Но ведь такая инициатива требует смелости и решимости. Оставить все, распрощаться со всеми удобствами, чтобы отправиться в новый путь, к идеалу земли обетованной. Тут мы находим еще одну часть ответа на вопрос «С чего начинать заново?»: со смелости!

КАРРОН. В послании, которое папа Франциск направил Митингу, содержится главный вопрос: «Как пробудить сознание, когда жизнь в оцепенении [под действием странной анестезии]?» (*Послание по случаю открытия XXXVI Митинга за дружбу между народами*. Римини, 20–26 августа 2015 г.). Как пробудить «я»? Вот решающий вопрос, с которым все мы со всеми нашими институциями, взглядами и предложениями должны считаться. Лишь тот, у кого есть ответ на этот вопрос, сможет внести реальный вклад в жизнь мира и всерьез принять проблему умаления «я». Такая возможность открыта для каждого. Поразительно, что уже в 1992 году, в ужасающей ситуации, отец Джуссани сказал: «И все же, как ни парадоксально, при всем разнообразии взглядов существуют и точки пересечения – люди с редкой, незаурядной чувствительностью. Такие пересечения эпизодичны. Хотелось бы, чтобы эти люди могли отдавать то, чем обладают, – это позволило бы как-то залатать дыры, сократить потери. <...> Как знать, откроет ли желание улучшить жизнь собственных детей новые горизонты?» Иными словами, поймет ли тот, кто хочет помочь своим детям или попутчикам, что для этого необходимо предложить им некий идеал, надежду. «Говоря о точках пересечения, я думал прежде всего о некоторых иудеях и мусульманах, которые, как мне кажется, близки к тому, о чем я говорил, они обладают чувствительностью, способной открыть новые горизонты» (L. Giussani. *L'avvenimento cristiano*. Op. cit. P. 125–127). Каждый человек, наделенный такой редкой чувствительностью, какими бы ни были ее истоки и ее происхождение, способен внести вклад. Это и для нас, христиан, возможность свидетельствовать об измененной жизни, и в этом привлекательность настоящего момента. Меня поражает также, что папа, вместо того чтобы жаловаться на ситуацию, как это часто бывает, утверждает: «Для Церкви открывается притягательный путь, как в самом начале христианской истории, когда жизнь изматывала людей, и им не хватало смелости, силы или серьезности для того, чтобы выразить важнейшие вопросы» (*Послание по случаю открытия XXXVI Митинга за дружбу между народами*. Римини, 20–26 августа 2015 г.). Это путь, помогающий пробудить человеческое «я». Какова дорога, каков способ, позволяющий человеку открыть истину о себе самом? Отец Джуссани вновь учит нас: «Человек узнает истину о самом себе благодаря опыту красоты, благодаря опыту вкуса к жизни, благодаря опыту соответствия, благодаря опыту притягательности, которую она [истина, идущая ему навстречу] пробуждает, притягательности и полного соответствия – полного не с количественной точки зрения, а с качественной! <...> Красота истины позволяет мне говорить: “Вот истина!”» (L. Giussani. *Certi di alcune grandi cose*. 1979–1981. Milano: BUR, 2007. P. 219–220). Я могу так говорить, потому что она притягивает, привлекает меня. Поэтому личность, «я», обретает себя во встрече с красотой, воплощенной в свидетеле. Свидетельство – единственный способ служить истине, который несет в себе предложение и в то же время уважает свободу другого; предложение свидетельства – не теория, не лекция, а то, что отец Джуссани называл рабочей гипотезой, воплощенной в ком-то. Вот почему, говоря о подлинном вызове, он утверждал, что нам недостает не словесного или культурного повторения вести. Современный человек, утверждал он, надеется, возможно неосознанно, пересечься на своем пути с людьми, чья жизнь изменилась во встрече со Христом или с собственной религиозной формой (ср. L. Giussani. *L'avvenimento cristiano*. Op.cit. P. 23–24). Мы все ожидаем такой вызов, который выявит весь потенциал «я». И по-настоящему важно понимать, что вызов этот мы находим в лицах, светящихся радостью, поскольку «пребывать в радости – неперемнное условие для того, чтобы порождать <...> иную человечность» (L. Giussani. *Un evento reale nella vita dell'uomo*. 1990–1991. Op. cit. P. 240). Папа, прося нас, христиан, подпитывать

в себе желание быть свидетелями, подчеркнул, что «лишь так можно предлагать во всей ее силе, красоте, простоте освобождающую весть о Божией любви <...>. Только это позволяет относиться к людям с уважением [смирением]» (Франциск. *Обращение к участникам пленарной ассамблеи Папского совета по делам мирян*. 7 февраля 2015 г.). Поэтому вопрос, стоящий перед нами, прост: «По-прежнему ли мы, христиане, верим в способность полученной нами веры привлекать тех, кого мы встречаем, верим ли мы в побеждающую притягательность ее беззащитной красоты?» (Х. Каррон. Вызов подлинного диалога после терактов в Париже. *Corriere della Sera*. 13 февраля 2015 г.)

ВАЙЛЕР. Отец Хулиан Каррон – смелый человек. Только подумайте, какой это «контркультурный» жест – выбрать фигуру Авраама и поставить ее в центр Митинга! Тут нужна смелость. И мы должны признать, что такой же смелости не занимать и Монике Маджони, новоиспеченному президенту телекомпании Rai. Довольно отважно с твоей стороны прийти сюда и модерировать встречу, главная тема которой – Авраам...

МАДЖОНИ. Случается и такое...

ВАЙЛЕР. Это твой дух, отец Каррон. И дух отца Джуссани. Можно сказать: «В тебе благословятся все племена земные».

МАДЖОНИ. Спасибо! Вот что происходит, когда встречаются люди, меняющие жизнь, люди редкой чувствительности, как у Авраама, люди, способные открыть новые горизонты. В такие моменты понимаешь, как замкнется круг, с которого все взяло начало и по которому все движется.

Скрипка. И. С. Бах. Анданте из *Сонаты №2 ля минор для скрипки соло*, BWV 1003.

Первый голос. «И сказал Господь Авраму: пойдя из земли твоей, от родства твоего и из дома отца твоего (и иди) в землю, которую Я укажу тебе; и Я произведу от тебя великий народ, и благословлю тебя, и возвеличу имя твое, и будешь ты в благословение; Я благословлю благословляющих тебя, и злословящих тебя прокляну; и благословятся в тебе все племена земные» (Быт. 12, 1–3).

МАДЖОНИ. Спасибо! Благодарю Роберто, игравшего на скрипке, и чтецов – Маттео, Джампьеро и Федерику. Благодарю всех вас. Спасибо за то, что в нас есть общего и своеобразного, за сходства и различия. Спасибо!